

ПИЛЬЩИКОВ И. А. БАТЮШКОВ И ЛИТЕРАТУРА ИТАЛИИ: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ

Под редакцией М. И. Шапира

М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2003. 314 с.
(PHILOLOGICA RUSSICA ET SPECULATIVA; Т. III)

Рецензируемая книга представляет собой интереснейшую попытку возродить чистый сравнительно-исторический метод в изучении русской литературы. Как отмечает И. А. Пильщикова в своем «Введении», с конца 1940-х годов сравнительно-историческое изучение литературы «переживает не лучшие времена»: и на Западе компаративистика находится в кризисном состоянии, и в России в последние годы появляются исследования, «авторы которых не задумываясь жертвуют научной достоверностью ради броского изложения и ложно понятой оригинальности» (с. 9). Опираясь на выдающиеся научные образцы (такие, как недавно переизданная книга А. Н. Егунова о русских переводах Гомера или работы Б. В. Томашевского и академика М. П. Алексеева), Пильщикова в то же время отмечает, что ни в одном из этих трудов не представлена полная «история рецепции целой национальной литературы в творчестве одного писателя» (с. 10). Автор стремится восполнить этот пробел, проанализировав историю восприятия итальянской литературы в творчестве Константина Батюшкова.

В методологическом отношении Пильщикова ориентирован на историко-филологический подход и именно в этом ключе трактует вопросы компаративистики и литературного перевода. Интерпретация связей Батюшкова с итальянской культурой «носит преимущественно генетический характер, однако по ходу дела обсуждаются также эволюция и типология художественных форм» (с. 8). При этом автор осознает культурологическую специфику восприятия иностранных текстов на русской почве: он определяет переводные произведения «как полигенетические, аккумулирующие опыт «версий-посредников»» (с. 9).

Вдобавок к этим общетеоретическим установкам надо упомянуть некоторые другие методологические и практические решения, как, например, сохранение в цитатах старой орфографии (не буду касаться здесь этого спорного вопроса, вокруг которого недавно на страницах журналов возникла острая полемика), а главное, публикацию в виде приложения нескольких таблиц, отражающих

соответствия между оригинальными и переводными текстами. Данное решение можно считать особенно удачным, так как оно дает читателю возможность самому проверить правильность утверждений ученого и, разумеется, дополнить, расширить или даже веско оспорить его выводы. Наконец, хочется подчеркнуть компетентность автора в передаче итальянских оригинальных текстов. Это действительно большая заслуга и доказательство филологической строгости и точности – явление не столь частое в русских работах, где итальянские тексты и даже отдельные слова нередко приводятся с ошибками.

Перейдем к разбору содержания книги. Она построена по жанрово-хронологическому принципу и начинается с истоков батюшковского интереса к итальянской литературе. Первые две главы отданы батюшковской тассиане (1808–1810). Далее автор занимается другими переводами Батюшкова из итальянских поэтов (1810–1811) и итальянскими темами в батюшковской переписке (1807–1820) – этому посвящены главы третья и четвертая. В трех последних главах Пильщикова изучает историко-критический и теоретический подход Батюшкова к итальянской поэзии, нашедший выражение в статьях «Ариост и Тассо», «Петрарка» и в незавершенном «Пантеоне итальянской словесности» (1815–1817), затем рассматриваются петрарковские мотивы и переклички в поэзии Батюшкова и Пушкина (соответственно 1815–1817 и 1821–1831 гг.), а завершается книга анализом элегии «Умиравший Тассо» (1817) в связи с вопросом о поэтической самоидентификации Батюшкова с образом Торквато Тассо.

Именно темой отношения батюшковской поэзии и судьбы к Тассо, к его жизненному и творческому пути – конечно, с учетом вопроса о текстах-посредниках – проникнута вся книга Пильщикова. Уже в первой главе эта тема получает очень важный новый поворот. Как известно, академик Л. Н. Майков, следуя указаниям Кюхельбекера и Пушкина, предположил, что поздняя элегия Батюшкова «Умиравший Тассо» (1817) могла быть переведена с французского. Поиски привели Май-

кова к стихотворению Ж.-Ф. Лагарпа “Les malheurs et le triomphe du Tasse” (1780). Поскольку точных совпадений между текстами Лагарпа и Батюшкова не нашлось, все последующие работы об “Умиравшем Тассе” просто повторяли слова Майкова о том, что русский поэт “мог знать плохую элегию Лагарпа”. Большая заслуга Пильщикова заключается в окончательном решении этого вопроса: ученый установил, что вовсе не “Умиравший Тасс”, а раннее послание Батюшкова “К Тассу” (1808) является переводом-переделкой стихотворения Лагарпа, которое обычно печатается под заглавием “Épître au Tasse” (1775).

Названное обстоятельство придает всему творчеству раннего Батюшкова особый характер. Интерес к Тассо и итальянской поэзии был явно опосредован французской литературой и критикой XVIII в. Это подтверждается вниманием русского поэта к лагарповскому переводу “Освобожденного Иерусалима” – данная версия Тассовой поэмы использована Батюшковым “в качестве вспомогательного источника при работе над собственным переводом” (с. 13). Пильщиков анализирует текст послания “К Тассу” в сопоставлении со стихами Лагарпа. По сравнению с французским оригиналом батюшковское послание сильно сокращено, но оно находится в прямой зависимости не только от композиции и эстетической концепции “Épître au Tasse”, но и от перевода Лагарпа. Пильщиков очень искусно и убедительно показывает, что все характеристики, которые у Батюшкова получает поэзия Тассо, восходят к лагарповским представлениям о протеизме автора “Освобожденного Иерусалима”. Вообще исследователь приводит очень интересные примеры батюшковской зависимости от Лагарпа, но имеются и не менее интересные расхождения, например в пересказе эпизодов Тассовой поэмы (тут у Батюшкова можно найти даже элементы полемики с Лагарпом). Важный слой батюшковского послания – это комплекс цитат и реминисценций из античной литературы, которые тоже намечают ряд расхождений с “Épître au Tasse”, как в случае трактовки мифа об Орфее в Аиде, по образцу которого строится описание посмертного блаженства Тассо в Элизии (Лагарп следует за Вергилием, а Батюшков за Овидием).

Полигенетический характер перевода Батюшкова – это важнейший фактор поэтической культуры той эпохи, и анализ Пильщикова, всегда основанный на богатейшем библиографическом материале, позволяет учесть всю историко-культурную значимость явления в самых разных его аспектах, от чисто языкового до тематического.

Таковую же картину дает анализ стихотворных переводов Батюшкова из “Освобожденного Иерусалима”, относящихся к 1808–1810 гг. Пильщиков прикладывает к тексту книги вместе с батюшков-

скими переводами из 1-й и 18-й песней итальянский оригинал, прозаический перевод М. Попова и французские переводы Лагарпа (для 1-й песни) и Ш.-Ф. Лебрена (для 18-й). Большое внимание уделено зависимости Батюшкова от перевода Попова, что отражается, в том числе, на давно замеченном обилии славянизмов в языке батюшковских переложений. В результате становится ясно, что в первом своем опыте русского Тассо «Батюшков переводит не оригинал, а некоторый “макротекст”, включающий в себя оригинал и переводы-посредники» (с. 41). То же самое можно сказать и об отрывке из 18-й песни, который был напечатан в “Цветнике” (июнь 1809). Пильщиков проводит тщательный анализ перевода, выясняя, например, какой именно редакцией лебреновской версии “Иерусалима” пользовался Батюшков. Кроме того, исследователь оценивает роль батюшковского перевода в современной ему поэзии: он обращает внимание на то, что текст разбит на 8-строчные строфы, имитирующие октаву, – точно так же, как в анонимном переводе (В. Анастасевича?), напечатанном в журнале “Улей” (1811). Сравнению батюшковских опытов с этим и другими русскими переводами Тассо (прежде всего с переводом Мерзлякова) посвящена большая часть главы. В то же время автор улавливает значимые совпадения между некоторыми переводческими решениями Батюшкова и стихами Державина.

Третья глава книги посвящена переводам и выпискам из итальянских авторов. Здесь читатель найдет анализ стихотворных переложений из Петрарки, Дж.-Б. Касты, П. Ролли (в конце монографии приводятся оригиналы и батюшковские переводы). В работе показано, что Батюшков уделял большое внимание итальянской музыкальной поэзии, в частности ариям Метастазео. Тут же обсуждаются многочисленные выписки Батюшкова из “Трактата об итальянской поэзии” Антонио Скоппы (экземпляр, принадлежавший русскому поэту, А.С. Янушкевич обнаружил в 1991 г.). Выписки из “Трактата” изучаются не изолированно, а в контексте всего литературного наследия Батюшкова: обнаружено, что многие ранние записи и пометы нашли отзвук в его позднейшей критической прозе, в стихах и переписке. Завершается глава параграфом о Данте. Пильщиков не склонен видеть в батюшковском “Видении на берегах Леты” (1809) следы влияния Дантова “Ада” (все совпадения с Дантом восходят к общему источнику – “Энеиде” Вергилия); видимо, начало знакомства Батюшкова с “Комедией” относится к несколько более позднему времени – к 1810–1811 гг.

В четвертой главе речь идет о батюшковской переписке. Здесь читателю предлагается богатейший разбор итальянских тем в письмах писателя. Пильщиков раскрывает, например, значительную

роль, какую сыграли переводы аббата Чезаротти в знакомстве Батюшкова с “Илиадой” и “Поэмами Оссиана”, а также описывает неуклонный рост батюшковского интереса к Ариосто. Особое место занимает любовь Батюшкова к итальянской опере, и в первую очередь к Россини: кульминация этого чувства совпала с пребыванием поэта в Одессе летом 1818 г.

В пятой главе тщательно изучены итальяноведческие штудии Батюшкова: сюда входит разносторонний разбор прочитанного им по истории итальянской поэзии, а также анализ батюшковских статей “Ариост и Тасс” и “Петрарка”, его проекта “Пантеон итальянской словесности”, его новых – прозаических – переводов. Пильщикова реконструирует ход создания историко-литературной прозы Батюшкова и приходит к интереснейшим выводам о влиянии на нее критической мысли XVIII – начала XIX в.: “Писем о французской поэзии” Ж.-Ж. Руссо, уже упоминавшегося “Трактата” Скоппы и, разумеется, “Литературной истории Италии” П.-Л. Женгене. (Тут находится тончайшее замечание по поводу неправильного перевода маргиналий Батюшкова, напечатанных еще в позапрошлом веке Н.А. Бессоновым. Бессонов не узнал французского термина *harmonie imitative* ‘звукоподражательная гармония’, который Батюшков позаимствовал у Женгене и вслед за ним применил к звукописи Данте и Тассо. Бессонов и позднейшие исследователи ошибочно передавали французский оборот Батюшкова словами “неподражаемая гармония”).

В шестой главе автор исследует историко-литературное значение батюшковского петраркизма и его влияние на пушкинскую поэзию и критику; в частности, отмечается решающая роль Батюшкова и Сисмонди в формировании представлений Пушкина о Петрарке. В то же время Пильщикова демонстрирует ошибочность общепринятого мнения о воздействии Сисмонди на критические статьи Батюшкова 1815–1816 гг.: в это время Батюшков был последовательным женгенианцем.

Книга завершается главой об элегии “Умиравший Тасс”. Особенно тщательно изучен вопрос о генезисе фактологических компонентов биографического “Примечания к Элегии” в его отношении к “Histoire littéraire d’Italie” Женгене. Наконец, Пильщикова старается определить направление дальнейшего развития батюшковского итальянизма. Здесь очень ценен анализ батюшковских разъяснений по поводу “Умиравшего Тасса”, данных в письме к Н.И. Гнедичу, в том числе комментарий к знаменитой строке *Под небом сладостным Италии моей*.

В послесловии автор затрагивает некоторые нерешенные вопросы батюшковской италомании, поднимая вопрос о рукописях, уничтоженных поэтом во время приступов депрессии в 1820-х годах.

Тема, так разносторонне и глубоко изученная, остается в отдельных своих аспектах открытой. В этом суть подлинной научной работы – постоянное приближение к недостижимой цели. Без книги И.А. Пильщикова к проблеме батюшковского итальянизма подступиться будет уже невозможно. Больше того, без учета многих его методологических решений трудно будет вообще заниматься сравнительно-историческим изучением русской литературы. Скрупулезность и точность подхода, некоторое недоверие к общепринятым мнениям, стремление проверить все иноязычные источники *de visu*, позволившее Пильщикову успешно пересмотреть ряд общих мест батюшковедения, порой, правда, некоторая слишком суровая холодность и педантичность позволили ученому представить на суд читателя органически цельный труд, пример для дальнейшего развития историко-литературной компаративистики. Спасибо ему за это и за искреннюю любовь к итальянской поэзии.

Конечно – и здесь я выхожу за пределы моего разбора – следующий шаг в интерпретации темы должен быть сделан в сторону композиционного, тематического и идейного истолкования непреходящей поэзии Батюшкова. Пильщикова блестяще показал, что батюшковские переводы – это, скорее всего, продукт полигенеза, однако и оригинальные тексты Батюшкова, например “каменецкий цикл”, по своей интонации, по глубокой цитатности и интертекстуальным переключкам, по своему идеологическому субстрату носят явные черты италомании автора, предстающей как экзистенциальная позиция. Здесь, расширяя сформулированную самим Пильщиковым задачу создать полную “историю рецепции целой национальной литературы в творчестве одного писателя”, я хотел бы указать и на потребность создать полную “историю авторепрезентации через целую национальную литературу”. Я имею в виду более широкий комплекс элементов (не всегда и не обязательно генетического характера), которые входят, например, в само понятие петраркизма или тассомании Батюшкова. От строго научного подхода требуется сделать шаг в сторону другого, общекультурологического, что, возможно, приведет исследователя к неоднозначным и небесспорным выводам. Это будет не отказ от *Niederphilologie* или индуктивного метода, а стремление творчески переосмыслить весь комплекс полученных данных.

Стефано Гардзонио (Италия)